
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ «БУМАЖНАЯ» И «КОМПЬЮТЕРНАЯ» ЛИТЕРАТУРА» В СВЕТЕ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ (АНАЛОГОВОЕ И ЦИФРОВОЕ МЫШЛЕНИЕ)

От редакции: Исходный материал для дискуссии был опубликован в «ПЗ» № 2/2012 в рубрике «Колонка главного редактора» под названием «Что написано пером...». Кроме того, этот текст еще до выхода № 2/2012 был циркулярно разослан всем авторам «Приокских зорь».

*Редакция журнала рекомендует читателям «ПЗ» перед ознакомлением с материалами дискуссии освежить в памяти содержание исходной статьи, а также **обязательно** прочесть «Колонку главного редактора» в настоящем номере журнала в части, относящейся к дискуссии.*

Итоги дискуссии будут опубликованы в «ПЗ» № 1/2013 в статье зав. отделом публицистики и литературоведения Натальи Квасниковой. В этом же номере журнала будет продолжена публикация материалов дискуссии, которые будут поступать в редакцию после 01.08.2012 (время формирования № 4/2012 «ПЗ»).

В следующем году мы планируем провести всероссийскую и международную дискуссию по теме «Колонки главного редактора» в «ПЗ» № 3/2012 под названием «Очередное повреждение русского языка». О начале дискуссии было объявлено циркулярным письмом.

* * *

Уважаемая редакция «Приоских зорь»!

Спасибо. С наслаждением читал Вашу «Колонку». Она отвлекла меня от невеселых мыслей о госпитале, куда направляют через три дня. Если по сути, а не по форме, то после такой статьи уже и дискуссия не нужна...

Ваши соображения коснулись и моей последней для «ПЗ» «посылки» — машинально отослал электронной почтой. Вырвусь от врачей — исправлюсь.

Все Вам доброго!

*Наум Ципис, г. Бремен, Германия,
лауреат премии «Левша» имени Н. С. Лескова*

* * *

Любое произведение, написанное гением, на каком бы носителе оно не создавалось, — останется гениальным. И, наоборот, — если «писатель» посредственный, как бы он не подгонял себя к классически-традиционному письму (хоть обложись гусиными перьями, чернильницами, и облачись во фрак времен Пушкина) — гениального не создаст.

Конечно, компьютерный гедонизм все больше расслабляет, и может сделать из таланта — посредственность. Но это проблемы этого самого бывшего таланта. Он сам не пожелал развиваться, а положился на вседоступность всемирной паутины.

Может быть, все как раз, наоборот, к лучшему. Подобная ситуация с расширением компьютерных технологий ведет к естественному отбору настоящего интеллекта. Не смог, не захотел развиваться — выбыл с дистанции. Всегда все почему-то сводится к образу пирамиды.

Олеся Янгол, г. Юрмала, Латвия

* * *

Доброе утро, дорогая редакция «Приокских зорь»!

Поздравляю Вас от чистого сердца со Всемирным днем Поэзии, который отмечается литературной общественностью 21 марта!!!

Желаю Вам огромного человеческого счастья, здоровья, долгой романтической молодости и, конечно, новых литературных наград и премий за Ваши прекрасные произведения и необычные творческие проекты! А журналу «Приокские зори» и его талантливым авторам — дальнейшего процветания и успехов в творчестве!

И в качестве материала для дискуссии шлю Вам стихотворение «Секрет ремесла!» С уважением к Вам и с надежной на дальнейшую творческую дружбу.

СЕКРЕТ РЕМЕСЛА

*Светлой памяти замечательного русского поэта
Владимира Ивановича Фирсова*

*Где мне взять эти краски?.. На чем приготовить?
Чтоб стихи зацвели спелым колосом ржи.
И коровы, бредущие в дальнем стоговьям,
На рогах к горизонту несли миражи...*

*Чтобы каждый мой стих, днем родившись весенним,
Вызрел златозвонным, как в поле хлеба,
Чтоб от строк моих пахло грибами и сеном,
Пахло солнцем и потом крестьянских рубаш.*

*...В чем секрет ремесла?.. Мне он мало известен.
Но искусству учусь у больших мастеров,—
Постигая секреты бессмертия песен,—
Набиваю мозоли на ладонях стихов.*

Владимир Корнилов, г. Братск

ЛИТЕРАТУРА И СЕТЕРАТУРА: КТО КОГО?

Алексей Яшин — писатель, ученый и главный редактор литературного ежеквартального альманаха «Приокские зори» предложил авторам журнала включиться в дискуссию о соотношении традиционной и интернетной литературы. Статья, которую А. Яшин подготовил по этой теме и разослал коллегам, довольно объемная. Цитировать ее не буду, поскольку все желающие смогут познакомиться с ее содержанием во втором номере журнала за текущий год, а также на сайте Тульского госуниверситета.

Я же коснулась лишь некоторых вопросов в предложенном обсуждении, изложив собственные наблюдения в виде обыкновенных заметок по ходу чтения статьи Алексея Яшина.

1

«Аутентичная семантика» алфавитной письменности становится спорной, особенно для владеющих несколькими языками. Трудности, с которыми сталкиваются переводчики текстов художественной литературы, являются тому примером. В прежние времена полиглотов было меньше. Расскажу о ситуации, случившейся со мной недавно. Написала приятелю, живущему в другом городе и в другой стране, о том, что один из цветущих кустарников у нас называется «лобдоружа». Мой собеседник предположил, что название происходит от слов «лоб» и «рожа». Пришлось объяснить, что на самом деле — от венгерского «лобда» (мяч) и русинского «ружа» (роза, пион, цветок). Но это совершенно нейтральный пример, а случаются и переводческие казусы, когда, например, русинское «быв» (был) записывают как украинское «бив», то есть русское «бил». Конечно, я привожу лишь те примеры, о которых знаю, с которыми сталкивалась. Наверное, есть и другие. Семантика алфавита — это, как я понимаю, смысл, вкладываемый в звук, отображенный буквой. В том, что звуки имеют смысловое наполнение, нисколько не сомневаюсь. Меньше об этом задумываются авторы, пишущие прозу, а вот поэты, талантливые поэты, всегда пытаются следовать некому звуковому ряду, который, как им кажется, придает стихам определенную тональность, точно так же, как это происходит в музыке. Для жизнеутверждающих стихотворений годится звонкий насыщенный звуковой фон, для камерных стихов более подходящим является приглушенный фонемный акомпанемент.

В русинском языке существует несколько дифтонгов. Например, ОЫ, ОУ, ЮИ (тЮИв дівці — той девушке). Очень часто встречается почти неразличимый, по звучанию, звук, который может быть обозначен в украинском языке как «е» или «и» (скорее «вирьх», нежели «верх» или «верьх»). Плохо сейчас помню нюансы кириллицы, не уверена, что в кириллическом алфавите имеются буквы, отображающие пере-

численные мною звуки. Хотя, наверное, могут ими быть старославянские литеры, обозначающие носовые заднего и переднего ряда, глухие редуцированные среднего и переднего ряда. Однако многочисленные энтузиасты, пытающиеся создать русинскую грамматику, чаще все же используют для обозначения таких звуков буквы с надстрочными знаками и буквы-пары, и буквы из латиницы. Хотя, по моему мнению, было бы проще ввести именно старославянские литеры и сообща решить, какие именно звуки каждая из них будет обозначать.

2

Действительно, современный писатель — гедонист во всех смыслах. Хотя бы и потому, что практически все пишущие люди сейчас используют многофункциональный компьютер, который сегодня уже не является усовершенствованной пишущей машинкой. Это в умелых руках — почти полный цикл издательского производства. От набора, корректирования и редактирования текста, до его верстки, художественного оформления и распечатывания на той же бумаге (можно — и на вечном пластике) с помощью приставки-принтера.

В компьютерных программах для набора проще цитировать, например, скопировав соответствующее предложение из первоисточника. Проще править написанное, воспользовавшись словарями, встроенными в компьютерные программы. Гораздо проще придать уже набранному произведению тот вид, который удовлетворяет эстетические потребности автора. Но именно поэтому большинство произведений приобретают скучное единообразие — унифицированные шрифты, которыми ты можешь пользоваться так же, как и твой коллега, унифицируют и мышление. Писать роман ручкой (пусть даже авторучкой) — это иметь возможность снова и снова возвращаться к уже зачеркнутому, отбракованному, то есть возвращаться к тому месту, от которого мысль потекла в новом русле. Не всегда зачеркнутое является ошибочным, зачастую слова, фраза могут быть использованы в другом контексте, где способны сыграть даже роль катализатора новой мысли. Впрочем, в компьютерном наборе также можно воспользоваться функцией зачеркивания, дабы не терять некоторых ориентиров на пути обдумывания сюжета, создания образов и т.п.

3

Интернет-писательство в самом деле заставляет писать быстрее, поскольку сетевой автор часто ориентируется на плодovitость коллег по литературному сайту, выдающих на-гора новые и новые тексты. Здесь роль играет что-то вроде состязательности. Но эти соревнования на скорость и объем очень утомляют, и приходит время, когда сетевой писатель просто не в состоянии родить что-то путевое. Творческие кризисы у интернет-литераторов случаются чаще, и они более продолжительные, нежели у авторов, пишущих традиционные книги традиционным способом, — сидя за письменным столом и выписывая каждое слово вручную на писчей бумаге. Не компьютер виноват в том, что многие авторы работают на вал, а именно возможность посредством Интернета наблюдать за скоростью творческого процесса коллег. Компьютер же позволяет точно так же, как и письмо вручную с обмакиванием пера в чернильницу, размышлять над каждым словом создаваемого текста, прочитывать фразы, дабы не впустить в их мелодику звуки, которых в них быть не должно, оттенки смыслов, которые допускать в них нельзя.

4

Дискретный характер мышления развивается в большей степени не от влияния на процесс думания такого действия, как стучание по клавишам механической пишущей машинки или компьютерной клавиатуры. Кратковременное изменение мышления

может наблюдаться у людей, еще не имеющих навыков набора текстов на этих устройствах, поскольку они отвлекаются на поиск нужной клавиши, функции и т.п., из-за чего мысль становится прерывистой, вплоть до исчезновения того, что мы привычно называем вдохновением. Впрочем, даже хорошо освоив набор на компьютере, имея приличную скорость печатания, предпочитают стихи писать авторучкой, точно так же и художественные рассказы. Так получается быстрее и качественнее. Создается впечатление, что мысль берет разбег и не останавливается до тех пор, пока не достигнет финиша. Но все же ручка — это, скорее, отработанный до мелочей ритуал, нежели необходимость. И если бы не было в доме авторучки, но появилась потребность изложить свои мысли, конечно, записала бы их с помощью компьютера. Отдаю предпочтение авторучке, видимо, потому что навыки письма у людей моего и более старших поколений все же превалируют над умением печатать. Кроме того, если рукопись объемна, то очень часто приходится возвращаться к уже написанному, дабы удержаться в русле логики повествования, сохранить его последовательность. Конечно же, в таком случае удобнее перелистать бумагу, нежели с помощью курсора и «мышки» «бегать» по массиву компьютерного текста. Именно поэтому «большую» прозу всегда пишу ручкой. Но этап письма вручную обязательно переходит в этап набора и редактирования на компьютере. И в процессе перечитывания и печатания текста происходит его огранка. Именно печатный текст позволяет увидеть многие стилевые погрешности. Происходит что-то вроде сравнения собственного текста с неким эталоном в виде воображаемой готовой книги.

Мнемоника, не как научная дисциплина, а как искусство запоминания или технология запоминания, наверное, у каждого человека формируются индивидуально. О себе я могу сообщить следующее: умышленно избегаю запоминания большого количества всевозможной информации, которую легко найти в справочниках, сборниках, записных книжках, в конце концов, задав поиск в Интернете. Мне кажется, форсированное запоминание чего-либо «на заданную тему» засоряет в наибольшей степени подсознание, ибо если в ближайшем будущем тебе не понадобится информация о «морфологии динозавров», но ты попытался ее запомнить, то она обязательно осядет в подкорке и может о себе напомнить самым неожиданным способом. Письмо вручную, осознанное чтение (но не механистическая «пробежка» по текстам или, что еще хуже, по ссылкам, всплывающим на мониторе компьютера и «вплывающим» в подсознание) — это действительно наиболее подходящая методика развития способности к запоминанию того, что способствует творчеству, мышлению как таковому.

Авторы сетературы зачастую напоминают мне одного знакомого, у которого от неумеренного потребления спиртных напитков, ускоренными темпами развивалась деградация личности. В «трезвое» время суток он был хмур, раздражен и очень плохо соображал. Но, когда выпивал очередную дозу «стимулятора», становился оживленным и блистал эрудицией. Все бы ничего, но на самом деле блистал он остатками эрудиции — читал своим слушателям стихи, которые заучил наизусть еще в школе. При этом с течением времени и усилением деграционных явлений в высшей нервной деятельности моего знакомого он все чаще сбивался, путался, в конце концов, его «эрудиция» дошла до декларирования единственной связной фразы, оставшейся в его сознании (а может быть, уже подсознании) подобием тлеющего уголька: «Плакала Саша, как лес вырубали». И сейчас, когда этого человека уже нет в живых, любой житель нашего небольшого городка помнит эту фразу как имя собственное.

Видя пьянчужку, алкоголика, мы частенько задумываемся: что же привело человека к такому состоянию? Что случилось в его жизни? Что оказалось тем переломным моментом, после которого человек уже не смог вернуться к нормальному образу жизни? Как правило, ответ на поверхности: привычка — вторая натура. Но всегда ли

этот ответ правильный? Некую грань многие ведь переходят, даже не осознавая, что переступили ее. Но всегда есть начало движения к грани. И выявить это начало можно, если это кажется важным. Думаю, той личности, которая чувствует в себе призвание к литературному труду, необходимо заблаговременно предвидеть появление этой грани и не стремиться преодолеть упоминаемый условный Рубикон. Особенно при том состоянии дел, которое имеется в современной издательской сфере, во взаимоотношениях пишущих и издателей.

Да, в нынешнее время трудно даже весьма талантливому автору попасть со своими произведениями в издательские планы. Поскольку большинство издателей, как это ни парадоксально, отдают предпочтение не собственно качественной художественной литературе (о научной и познавательно-просветительской у меня нет данных), а скорее — «выгодным» креативным именам в литературе. (Об идеологических предпочтениях издателей не говорим, поскольку это отдельная тема). И получается так, что сейчас весьма условным становится разделение на интернетных и традиционных писателей, на сетературу и собственно литературу. Ведь креатив «традиционных» писателей создается повсеместно с помощью тех же интернет-ресурсов. Стоит лишь задать поиск в сети имени автора — и сразу же по количеству и смыслу ссылок можно определить, какой вес имеет писатель имярек у книжных издателей. Писатель, которого популяризуют его же издатели, представлен в Интернете на порядок-два-три чаще, нежели его собрат, обитающий исключительно в Интернете. На портале Проза.ру, к примеру, зарегистрированы авторы, имеющие в своем активе десятки изданных книг, но все же не вполне удовлетворенные читательским вниманием и поэтому ищущие, привлекающие новых читателей, жаждущие обратной связи с читающей публикой. Как правило, такие авторы публикуют в Интернете преимущественно небольшие эссе и статьи, отрывки из давно написанных произведений. Свежие тексты в Интернете они лишь анонсируют, делая ставку на подогревание интереса к своему творчеству. Очень часто используют такой прием, как многократную публикацию одного и того же произведения в рамках одного и того же ресурса. Не является секретом и то, что писатели «традиционные» черпают идеи и даже занимаются откровенным плагиатом, используя рядовое воровство и последующую компиляцию из опубликованных в сети текстов, авторами которых являются их менее удачливые коллеги, не прошедшие «конкурс красоты» у издателей бумажной литературы.

И вот тут-то, наблюдая подобное, не нашедший себя в «издательских планах» автор способен впасть в состояние отчаяния и безысходности от невостребованности, от кажущейся непробиваемости издательских стен и дверей. Многие перестают писать. Многие сбиваются на конъюнктурные темы. Многие ищут поддержку (и могут найти) в Интернете среди себе подобных. Но слишком это трудоемкое и времяпожирающее занятие — находить близких тебе по духу людей. Да и убедиться в том, что приобрел единомышленника, искренне желающего и способного помочь (пусть для начала морально), можно все равно лишь после личного знакомства с человеком, который положительно оценил твоё творчество. Впрочем, не всегда и личное знакомство оправдывает ожидания ищущего признания и интереса к собственному творчеству.

Времяпрепровождение в Интернете очень часто способно взрастить в сознании человека повальное недоверие к собеседникам, находящимся по ту сторону монитора. Блуждания в Интернете и склонность к заблуждениям становятся почти синонимами. Общение в сети, с одной стороны, способно оказать стимулирующее воздействие на творчество и мировоззрение автора, не имеющего возможности быть изданным (а причиной отсутствия издательских перспектив может оказаться возрастная немобильность пишущего, отсутствие средств на поездки к издателям, оплату издательских услуг). С другой стороны, внимание к твоему творчеству в сети требует

практически ежедневного, по несколько часов, просиживания у монитора, поскольку читатель интернета рассчитывает получить ответ на собственный положительный или иного рода отзыв. Таким образом, Интернет привязывает автора к дисплею и к эрзац-общению. Кто-то отвечает машинально, кто-то — выкладывается на пределе эмоциональных сил, видя в виртуальном собеседнике живую душу. В результате — эмоций не остается для творчества. О законе сохранения энергии и перераспределении ее необходимо всегда помнить, если в запасниках остаются нереализованные планы и замыслы.

Максимального общения с читателями требуют и современные издатели литературы на бумаге. Пробежаться хотя бы вскользь по интернет-ссылкам, указующим на передвижения интересующего тебя «традиционного» писателя,— и можно сделать вывод о том, что Сизифовым трудом оборачивается для него участие во всяческих пиар-акциях, марш-бросках по читающим городам и весям. И это, очевидно, та же необходимость поддерживать популярность, которая продиктована отсутствием максимально разветвленной и рационально организованной сферы книжной торговли и распространения книг по библиотечным коллекторам. А посему ждать от таких «вечно командированных» литераторов качественных текстов не приходится. Эта тенденция переросла уже в явление. «Звездочки» бумажной литературы после издания первой более-менее удачной книги все чаще и чаще разочаровывают читателей последующими наспех состряпанными текстами, сработанными без души и даже без видимых интеллектуальных усилий.

За почти три года, проведенные на портале Проза.ру и одновременно в более или менее активном общении с местными коллегами, у меня накопилось множество наблюдений и с той, и с обратной стороны «зеркала». Вряд ли можно говорить о том, что авторы интернета и авторы «традиционной» литературы слишком уж отличаются друг от друга. Но можно говорить о том, что именно в Интернете сейчас находится та грань, которая отделяет одних от других. И грань эта укладывается в формулировку следующего толка: «кто быстрее и надежнее закрепится в Интернет-пространстве». Очень многие пытаются в нем закрепиться собственным присутствием, забывая о том, что когда-то оно закончится так же, как заканчивается жизнь любого смертного. А вспомнят ли тебя по прошествии множества лет,— зависит вовсе не от того, сколь активно ты осваивал Интернет или издательства.

Ирина Мадрига, г. Свалява, Закарпатье, Украина

* * *

Вот мой ответ журналу «Российский писатель» № 8 — 2012 на вопрос: «Ваш прогноз относительно будущего печатной литературы. Не убьет ли электронная книга книгу бумажную?»

Ефим Гаммер: Когда я, будучи солдатом-резервистом, охранял от террористов в Шхеме-Наблусе священную гробницу Иосифа, великого пророка, предсказавшего Египту «семь тучных и семь тощих лет», каким-то чудесным образом он дал мне понять, что с похожим вопросом обращался к нему и фараон. Клиента строящейся на века пирамиды интересовало, сохранятся ли в будущем папирусы с его жизнеописанием, или появится какая-то новая печатная продукция, которая сметет все устаревшее. Иосиф сказал: и папирусы останутся в МУЗЕЕ, и несуществующие еще ныне книги на бумаге вместе с их собратьями — электронными. На смену всему этому придет телепатия. Не будет нужна типография, откажутся от компьютера, а вся информация будет вноситься

в голову благодаря какой-то мельчайшей мозговой клеточке, которая существует в человеке с момента Сотворения, но еще не задействована. Правда, произойдет это с теми людьми, у кого на плечах голова, а не кочан капусты.

Более деловой ответ выглядит несколько по-иному. И тут я могу сослаться на Елену Шмыгину, выпускницу математического факультета МГУ, писательницу и веб-мастера, главного редактора электронного журнала «Детки — 74» из Челябинска, сделавшую более десятка моих электронных книг: «Ефим,— пишет она,— насчет бумажной литературы вопрос уже давно перевалил за невозвратную метку. Будущего у бумаги нет. Останутся только презентационные тиражи для встреч с читателями и подарков. Остальное уйдет в электронный вид. И не только потому, что электронное интереснее и удобнее во многих планах. Перестают в принципе читать. Сегодня, 23 мая, объявили, что 15 крупных зарубежных библиотек объединились в сообщество для взаимопомощи в выживании. Вот такие дела. Не очень позитивные, но все вот так. Бумагу может спасти только тотальное отключение электричества. Тогда исчезнет интернет, и людям придется осваивать и возрождать кустарные производства, и книгоиздание в том числе».

P.S. К этому могу добавить, что в тех страницах, где любовь к чтению традиционна, останется еще на долгое время и любовь к книге. Мне трудно представить, что, например, в России, книгу повсеместно вытеснят диски и компьютер. То же самое в Израиле. Положим, здесь компьютеров на душу населения больше, чем в России, но все равно «народ книги» не распрощится с книгой. В частности, с религиозной. Тысячи лет здесь переписывают Тору, ее свиток за все эти годы не претерпел изменений. Кто-то может себе представить, что его при любом развитии техники и печатного дела дела сменит что-либо другое? Так что те ценности, которыми мы дорожим, останутся с нами и в будущем. Только не надо забывать, что тяга к чтению с неба не падает, ее воспитывают в человеке с детства. Это ведь не телевизор смотреть! Не забывайте об этом, пожалуйста, и все образуется.

Полностью интервью см. <http://www.yefim-gammer.com/showtopicpressa.php?line=152>).

Ефим Гаммер, г. Иерусалим, Израиль

* * *

Много лишнего, теряется смысл статьи... Люди в деревне за лето так уставали, приходилось спать не больше двух часов в сутки, что зимой отсыпались. Но если хорошо знать деревенский быт, то и зимой особенно спать было некогда, зимой мужики заготавливали дрова, женщины ткали, шили, вышивали, плели, пряли, вязали. Сейчас в наше время есть на Енисее поселение, недавно с мужем смотрели документальный фильм, у них до сих пор вся жизнь по дням расписана, опоздаешь, останешься голодным на весь год...

Лично я, когда пишу стихи, не люблю пользоваться ноутбуком, лучшее средство — это ручка и тетрадь, дело в том, что приходится отрабатывать написанное, иногда получается, что первый вариант самый удачный.

Простите, посещать заседания ЛиТО у меня нет возможности, на Стихи.ру я участвую в конкурсах, не везде берут мои творения. Но вот самый последний пример: стих «Дождик шлепает по лужам». Отправляю три стиха, ведущая отвечает: замысел хорош, но сам текст... Три дня отрабатываю, из этого стиха осталась лишь вторая строчка, результат — 3 место. Вы считаете, зря создали сайт? Я так не считаю.

В районную газету свои творения я отправляю сообщением, т.к. рукописные тексты кому-то нужно набирать и тратить время... То, что плагиатом пользуются многие

с приходом интернета, да, есть, обидно. О мобильном телефоне: мечтала в 90-е годы прошлого столетия, когда муж работал на лесовозе, приходил в 4 утра, а я мечтала о такой трубке-рации, чтобы он мог сказать, где находится. Сейчас он опять на лесовозе работает, выезжает на трассу (в лесу сеть не ловит...) и докладывает...

**Нина Гаврикова,
г. Сокол, Волгоградской обл.**

* * *

Здравствуйтесь, уважаемый Алексей Афанасьевич!

Наконец-то прочел полностью Вашу редакторскую колонку — материал о противопоставлении традиционной, «бумажной» и «интернетовской» литературы. Сразу с благодарностью скажу, что почерпнул для себя достаточно много неизвестных ранее фактов, как, например, об особенностях начертания различных алфавитов, или о том, что кириллица наиболее проста по части изображения букв, в том числе и шипящих. Тут сразу вспомнился давний случай: когда-то мой отец, выпускник исторического факультета Воронежского пединститута, работая преподавателем сельхозтехникума, пытался сдать кандидатский минимум. В том числе и по инязу — немецкому языку. И, переводя какую-то передовицу в немецкой газете, наткнулся на фамилию, которую никак не мог прочесть. Начало-то ясно: Хру..., а вот что потом? А потом выяснилось, что там из пяти разных букв формируется буква «щ», а фамилия — Хрущев.

Ваши размышления о гедонизме и лени мне тоже близки. Вот мой сын, которому в июне исполнится 25, окончил колледж и в дальнейшем однопрофильный вуз: специалист по металлам и сплавам, из которых изготавливаются внутренности для телевизоров, музцентров, компьютеров и т.д., отслужил срочную и на данный момент зарабатывает на жизнь электромонтажником. Он в интернет лазает лишь, чтобы скачать новый фильм и узнать стоимость какого-то товара по городу Ростову. Книг не читает абсолютно никаких. Разве инструкции, как пользоваться тем или иным товаром. Сейчас. В студвремена, правда, порой интересовался то какими-то (закрытыми когда-то) лекциями для сотрудников ФСБ или — почему-то? — теорией личности Фрейда. А на домашнюю библиотеку в три тысячи томов даже не смотрит. Теперь — ближе к теме. Я на пенсии подрабатываю тем, что скупаю у населения художественную литературу, которая пользуется еще хотя бы каким-то спросом, а потом пытаюсь ее перепродать. Занимаюсь этим порядка десяти лет и уверенно утверждаю: за эти годы спрос на книги значительно упал, особенно на классику. Невозможно продать, например, произведения Горького, Маяковского, Симонова, а уж тем паче — третьеразрядных советских классиков: Островского, Фадеева, Федина, Гладкова, Шагинян, прославляющих советский строй. Из Льва Толстого берут лишь «Войну и мир» — раз в год, когда проходят в школе. Из Шолохова — аналогично, раз в год «Судьбу человека», но «Тихий Дон» до сей поры, независимо от времени, пользуется определенным спросом, а «Поднятая целина» — абсолютно нулевым. Ушли в прошлое времена приключенческой литературы: Купера, Майн Рида, Хаггарда, Буссенара, Эмара, Сальгари, Дюма — за которыми еще лет пятнадцать назад гонялись. Равно как и за эпопеей «Ангелики», которую нашлепали массовыми тиражами все, кому не лень, а нынче она не востребована. Мертво лежат произведения Золя, Гюго, Бальзака, Мопассана, Драйзера, Диккенса. Кое-как еще идет Джек Лондон. Из Гашека — «Швейк», из Достоевского — «Бесы», «Идиот» и «Игрок», а вот попробуйте-ка реализовать «Записки из мертвого дома», либо «Униженные и оскорбленные». Переста-

ли интересоваться Карнеги. Подолгу лежит «Декамерон», а вот на «Божественную комедию» клиенты есть. Что вообще пользуется повышенным спросом: из зарубежных авторов — Шекспир, Шелдон, экзистенциалисты Камю, Сартр и Кафка; из наших — романы Пикуля и братьев Стругацких, ряд исторических романов: трилогия Яна, «Каменный пояс» Федорова, «Иван Третий, государь всея Руси» Язвицкого, «Иван Четвертый, Грозный» Коростылева — и подобные по тематике вещи о старой, лучше — допетровской еще Руси. Уход в прошлое от проблем настоящего? Традиционно покупаема детская литература: приключения Чипполлино, Незнайки, Буратино, Петрушки; Карлсон, Вини-Пух, обе Алисы, цикл повестей-сказок Волкова, начиная с «Волшебника Изумрудного города». Сказки Афанасьева, Андерсена, братьев Grimm, Перро,— а вот того же Гауфа или «Мумми-тролли» Янсена — в гораздо меньшей степени. Разумеется, все это можно скачать из интернета, однако бабушки (не все, конечно) предпочитают учить внуков по детской классике и желательно изданной в подарочном исполнении. Подарочные «Сказки Пушкина», например, — на белой бумаге, с яркими иллюстрациями, большого формата — уходят в лет. А обычная книга, с картонным переплетом, из серии «Школьная библиотека», практически непродажна. Зато в большом ходу дамские детективы (Донцова, Шилова, Устинова, Маринина, Полякова) и дамские же любовные романы (Смол, Браун, Линдсей, Макнот, Карлтланд). И тут требования совсем другие. Дайте малого формата, в тонкой обложке — так называемую одноразовую. Ее удобно читать в автобусе и на работе, прятать в сумочку или в полуоткрытый ящик (от начальства). Детективы братьев Вайнеров, Леонова, Словина, Адамовых и прочих авторов, получивших известность еще до перестройки, сошли на нет. Но покупаем тот же наш ростовский Корецкий. В большом ходу всякие едовые книги — особенно «Книга о вкусной и здоровой пище». Причем с автографом Сталина (изданная до 1952 года включительно) ценится больше всего, хотя и вся разница-то именно в этом одном предложении. Это — «Сталинка». Потом пошла «Хрущевка» — в ней еще сохранена цветная вкладка с видами красной и черной икры. При Брежневе эту вкладку убрали. И цена книги издания семидесятых, и далее — до 1989-го (позднейшие издания мне не попадались) еще меньше. Ну, это я уже увлекся деталями. Книги покупает в основном старшее поколение, и больше женщины. Среди молодежи клиенты на классику редки, как правило, это студенты филологического отделения. Но иные берут, как уже упоминал, дамские детективы, любовные романы (опять же преимущественно с разворотом действий в далеком прошлом; например, есть такая специализирующаяся на сюжетах из давних времен серия «Шарм»). Короче, люди хотят отдохнуть, читая, а не напрягать мозги и не переживать. Прочел — забыл — выбросил. Одноразовая, не жалко. В Москве зачастую на последних станциях линий метро по несколько таких книг в вагонах оставляют, даже домой не берут: чтобы место в квартире не занимать. С другой стороны, у меня сейчас несколько клиентов ждут «Капитал». Почему-то востребован и именно за последние годы, стал. И еще деталь: не все можно найти в интернете. Скажем, произведение Маркеса «Пир во время чумы» одна моя клиентка так и не разыскала вообще ни в каком виде — ни бумажном, ни электронном. И на закуску анекдотично-печальная ситуация из моей жизни. Летом подходит к моему книжному развалу мама с сыном лет 10—11. И говорит: мол, давай, я тебе какую-то книгу куплю. Сынуля в крик: «Не надо! Не хочу! Не нужна!» Мама: «Нет, купим!» Выбрала какие-то сказки. Протягивает сыну. Тот руки за спину спрятал: «Не хочу!» Мама разозлилась: «Держи, я тебе сказала!» Всунула силком ему, а сама за кошелем полезла. Сынуля же ее сбежал и мне книгу чуть не в нос тычет: «На! На! Возьми! Забери! Не нужна она мне!» Ну, я как-то автоматически взял, пацан поскорее в сторону отпрыгнул. «Почему, говорю, не нужна?» А он зверскую рожу скорчил и с рычаньем:

«А ее чита-ать на-адо!» Мама ахнула, охнула и кошелек спрятала. Такие-то они, литературно-продажные дела.

И по поводу мнемонической памяти... Я свой последний рассказ «Часовой с липовым стволом» почти весь написал вечерами и ночами, когда уходил сторожить виллу одного нового русского (четыре этажа с полуподвалом). Там ни компа, ни телевизора. Только и возможностей, что читать или писать. И знаете, полагаю, в итоге неплохая вещь получилась. Опять-таки на сменах я ее много раз редактировал. Напечатаю на компе очередной вариант — и с собой, на дежурство. А уж там вдоволь поисчеркаю. Ну, самые последние абзацы уже чисто на компе вводил-дополнял. И еще насчет того, что его пишущий только как машинку использует — отнюдь. Лично я еще и по части словарей всяких и справок тоже эксплуатирую. Особенно часто пользуюсь для подборки синонимов, — порой удачный сразу находится и становится как лыко в строку. Отчасти тоже гедонизм? Впрочем, мог бы, конечно, и в печатные словари глядеть, но в компьютере удобнее, и он сразу в нескольких значениях слов показывает. Вот, в общем, так. Хотя и мои рассуждения получились несколько не напрямую по вашей дискуссионной статье. Не взыщите строго.

С уважением и наилучшими пожеланиями.

Федор Ошевнев, г. Ростов-на-Дону

ЛИТЕРАТУРА — БУМАЖНАЯ ИЛИ ЭЛЕКТРОННАЯ?

В поставленной проблеме нам видится три вопроса.

1. Как создавать литературные произведения — с помощью ручки с чернилами или ручки шариковой. Либо печатать на машинке или на компьютере?

2. Как издавать книги — в бумажном виде или в электронном?

3. Как книги читать — традиционную книгу, с бумажными листами и переплетом, или книгу, помещенную в Интернете?

Приведем несколько примеров, сразу пришедших на ум.

Когда-то хозяин тщательно обрабатывал бревна, подгонял их по размеру, долго строил добротный дом. Сейчас дом можно поставить, при помощи современной техники, в два дня. Как будем дом возводить — как прежде или как сейчас? Вы скажете, тогда дома строились на века. Однако при сегодняшней быстротечности времени нужно ли, чтобы дом стоял века?

Можно выпить чай из тонкой фарфоровой чашки, наслаждаясь при этом изяществом линии ручки и уникальностью материала, из которого она изготовлена. Можно пить, удобно касаясь губами тонких стен чашки, а можно взять деревянную большую кружку, какие были в ходу давным-давно. Толстые стенки кружки, толстая ручка, громоздкий сосуд для питья. Из чего пить приятнее и удобнее? Вы скажете: зато дух чая в деревянной кружке будет особым, аромат другой — деревянный (вот и слово придумано). Ну что ж, почему бы иной раз не побаловать себя таким чаем?

В давние времена книга была рукописной — громоздкой, с деревянным переплетом, большими и ломкими листами, с трудночитаемым текстом. К тому же книг было мало, стоили они дорого, и не всякий мог купить и прочесть. Сейчас книги печатаются большими тиражами. Чтобы книга пришла к читателю, над ней работают специалисты — корректоры, редакторы, иллюстраторы, типографщики. Она легка на вес и удобно умещается в руках. Какую книгу мы будем читать? Конечно, с благоговением откроем рукописную книгу, погладим, может быть, листы, понюхаем воздух вокруг такой книги, рассмотрим иллюстрации, даже текст попытаемся осилить. Однако это

чтение интересно лишь профессионалам — историкам, книжных дел мастерам. А читать мы станем книги современного издания.

Не секрет: чтобы книга написалась, над ней надо много работать — думать, изучать, искать, планировать, отрабатывать текст, не забывая в то же время родной язык.

Пишешь ручкой (с чернилами или самопишущей) и при этом думаешь, тщательно подбираешь слова, проглядываешь смысл написанного. Идет медленный процесс создания текста. Однако нередко зачеркиваешь-перечеркиваешь, и наступает момент, когда трудно прочесть то, что создано на листе: одни каракули и штриховка.

На печатной машинке получается быстрее и чище. Кстати, в печатном варианте легче видится орфография. Вы скажете — глаз «замыливается». Верно, и все же он не менее замыливается в прочтении рукописи.

Компьютер — его полезность отмечают те, кому приходится много работать над созданием текста, например, научного. Кто работал над диссертацией и тысячу раз ее правил, подыскивая слово, менял фрагменты местами, тот, по большей части, скажет: как хорошо, что у меня есть или была, возможность работать на компьютере.

Вы скажете: это научный текст, а художественный — иное дело. Работа над художественным текстом требует еще большей тщательности. Есть возможность сохранить разные варианты текста, затем сравнить и выбрать тот, который точнее раскрывает идею произведения. Есть возможность поискать нужное слово, поработать, когда надо, над эмоциональным изложением или строго логическим, кратким или развернутым.

Есть возможность написать сначала ручкой на бумаге, а потом перенести в компьютер. Тоже нужный этап работы. Иной раз записал на листе и доволен: хорошо получилось. А придет время укладывать в компьютерный текст, видишь: здесь неточно, здесь расплывчато, здесь выбилась из основного содержания. И сам себя правишь.

Можно же, точнее — необходимо, править свой компьютерный текст, минуя рукописный этап.

Главное не в том, как создавать художественное произведение. У каждого свои приемы. Главное — что создавать. Художественность, т.е. образность и глубина содержания важны, а еще — знание того, о чем пишешь, а еще — интерес читателя и его готовность понять и принять то, что тобою создано.

Замечательно издавать художественное произведение в бумажном виде. Книга — одно из лучших творений человека. В ней все просматривается, т.е. не только содержание, которое вложил автор, но и писательское умение автора, его эрудиция, его отношение к жизни. Он весь — «на ладони» у внимательного читателя.

Возникает удивительное сообщество автора и читателя: я написал, в книгу собрал, тебе подарил; я книгу взял, открыл, прочел и обдумываю. Первый дал второму одно, а второй, взяв это, понял и увидел что-то свое. Получилось новое видение и, возможно, автор и читатель обменяются взглядами. Это бывает редко, но бывает.

Мы убеждены: книга, созданная одним, обогащается мыслями и чувствами другого, пусть только для него одного и, может быть, для его сотоварищей, с которыми он ту книгу обсуждал.

Однако книга сегодня — это 500 экземпляров (к сожалению, многие авторы выпускают произведения за свой счет и не имеют возможности выпустить, а затем и распространить, в большем количестве). Повезет — будет тираж в 3 тысячи или в 10 тысяч.

Пусти книгу в Интернет. Сколько возможных читателей у нее появится? Причем, будут сметены государственные границы, континентальные препятствия, и даже временные.

Не мешает электронная книга бумажной. Недаром сегодня издательства предла-

гают авторам, помимо бумажной версии, и электронную — на сайтах Интернета, на дисках. А современные литературные журналы предусмотрительно заводят свои сайты. Расширяется читательская аудитория до безграничных размеров.

Как читать? Что за вопрос? Конечно, есть особое состояние души, когда держишь в руках книгу, перелистываешь страницы, одну за другой, не спеша, наслаждаясь слогом, сюжетом, умением писателя выстроить ситуацию и красочно ее описать. Можно забежать вперед, можно вернуться к первым страницам. Сегодня прочесть главу, завтра другую, или прочесть все разом, забыв о делах, о пище, о сне.

Наверное, с давних времен, когда книга представлялась великой редкостью, сохранилось в нас уважение к ней, поклонение ей.

Однако бывают разные ситуации. Нет в поселке книжного магазина и библиотеки, а Интернет сейчас пробивает дорогу в самые укромные уголки. Вышла книга в другом городе, в другой стране, а у Интернета нет границ. Не смог купить дорогое издание, купи дешевле интернетовский вариант.

На дисках можно не только читать книгу, но и слушать. И если ее озвучивает мастер «чтецкого дела», то получишь удовольствие, слушая его, а также приобрести еще один взгляд. Тогда восприятие книги станет богаче.

И ничто не мешает тебе, познакомившись с электронным вариантом, приобрести понравившуюся книгу в бумажном виде, в богатом переплете, с прекрасными иллюстрациями.

Есть, конечно, опасность публикации в электронной версии «чего ни попадя», однако такая опасность есть сегодня и в публикации традиционной. Плати издательству, и тебя напечатают, не обращая внимания ни на содержание, ни на форму подачи.

Словом, традиционная бумажная книга была, есть и будет достойным человечества. Однако прогресс на то и существует, чтобы отыскивать новые формы воздействия художественной литературы на сердца человеческие.

Ирина Кедрова, г. Москва

ПОЗНАЙ, ГДЕ СВЕТ, ПОЙМЕШЬ, ГДЕ ТЬМА.

Эти строчки Данте, которыми я озаглавила свои размышления о соотношении «бумажной» и интернетовской художественной литературы в современном творческом процессе весьма актуальны, так же как и высказывание писателя Евгения Замятина, что *«у русской литературы осталось одно будущее — это ее прошлое»*.

«Человек узнается по делам его», — написано в Библии.

Хорошая литература, которую хотелось бы определить, как русская словесность, узнается по содержательности, по безупречной форме и стилю, по колоритному, живому, полному экспрессии великому русскому языку. Думаю, что говорить о конкуренции между теми авторами, кто серьезно, профессионально относится к литературному творчеству и пишет действительно хорошо и интересно, не приходится, независимо от того, издается ли книга обычным традиционным «бумажным» типографским способом или же она помещена в Интернет.

Но, к сожалению, сегодня многое из духовного опыта великой русской классической литературы утрачено, и интересных по содержанию, по форме, по богатству языка произведений не так уж и много, как среди художественной литературы, изданной в типографии, так и в электронном варианте. И те и другие авторы все реже радуют читателей, не успевших за период перехода к рыночным отношениям испортить свой художественный, эстетический вкус. Такое ощущение, что, как писал Давид Самойлов: *«Смежили очи гении. Нету их и все разрешено»*.

Можно много говорить об Интернете, как о прогрессивном открытии, производшем своеобразную революцию и в книгоиздании, но, при всех плюсах, это привело к тому, что открылась свободная, широкая дорога в литературу дилетантам, графоманам, литературным поденщикам, просто безграмотным и даже невежественным людям.

Легкость публикации в Интернете (как и в бумажном варианте при наличии финансов), искушение стать известным, «оставить след» толкают в литературу не только людей способных к творчеству, но и далеких от него, не понимающих, что писательство — это титанический труд, требующий глубоких знаний и жизненного опыта. Сегодня в литературе немало тех, кто не знает элементарных правил и традиций литературного процесса, норм этики, не способных к самоцензуре, допускающих неряшливое отношение к языку, не соблюдающих элементарных правил орфографии и пунктуации. Один за другим открываются сотни сайтов и блогов, в которых новооявленные «литературные гении» размещают все, что придет в голову, не задумываясь, «как слово наше отзовется». Отсюда и угроза того, что словарь ненормативной лексики уже скоро достигнет размеров энциклопедии. Агрессивное невежество и интеллектуальное бессилие соседствуют в многочисленных худосочных произведениях поэзии и прозы, лишенных сложности и многоцветности жизни.

Для создания настоящего художественного произведения нужна длительная работа ума и сердца. А. С. Пушкин писал Евгения Онегина 7 лет 4 месяца 17 дней. Виртуальные писатели создают на своих сайтах в Интернете бессюжетные поэмы и вялые повести за несколько часов.

А сколько коммерческих предложений в Интернете, приглашающих участвовать в литературных проектах. Правда, не меньше их и среди тех, кто предлагает за определенную немалую мзду перевести на любой язык «бумажное» творение и распространить его за рубежом. Предлагают «устроить рецензию», «найти рынок сбыта», «организовать диплом, юбилейную медаль, престижную премию».

Когда-то Юрий Визбор пел: *«Все на продажу понеслось. И что продать, увя, нашлось»*. Те, для кого строки Пастернака *«Цель творчества самоотдача, а не шума, не успех»* только слова, а главное быть *«притчей на устах у всех»*, видно, не понимают, что доброе имя, талант и любовь не для продажи. Но эти люди, непохожие друг на друга и своей манерой письма, и своими идеями, самоорганизуются, создают свои сайтовые сообщества, вступают в переписку и организуют свои издания, причем уже бумажные, то есть издают традиционные книги и сборники, разрабатывают и предлагают свои проекты. Сегодня книжная культура осваивается в новом контексте. В формате Интернета проходят дискуссии, работают книжные Интернет-магазины, Ассоциация электронных издателей. В процессе участвуют литераторы из различных городов России и Зарубежья, так как это проще, доступнее, дешевле, чем издание за свой счет полноценной традиционной авторской книги. В Интернете читателем может стать каждый пользователь, то есть миллионы людей, в то время как издать собственную книгу при скудных средствах издающего и безмерных аппетитах издателей доступно небольшим тиражом, которого только и хватит для родных, близких, друзей, да, может, несколько экземпляров купят на творческом вечере.

Поэтому и пользуются спросом эти коммерческие проекты, хотя в них отсутствует главное — истинная Любовь к отечественной художественной Литературе, уважение к литературному Слову и к читателю.

Жизнь невозможна без духовной составляющей. У Андрея Вознесенского есть строчка: *«Ностальгия по-настоящему»*. Сегодня мы ностальгируем о настоящем искусстве, о настоящих талантливых литературных прозаических произведениях, о полнокровной поэзии, об авторах, достойных представлять современную великую русскую литературу на мировой арене, где по-прежнему зарубежные читатели с уважением произносят имена Льва Толстого, Антона Чехова, Федора Достоевского...

Лично мне ближе и дороже бумажные издания хорошей интересной литературы и даже собственные тоненькие книжечки милее «опубликованных» подборок в виртуальных интернетовских журналах.

Признаюсь, что не могу пройти мимо выброшенных книг, и среди «спасенных» немало по-настоящему ценных и редких изданий, уникальных художественных произведений. Начитавшись вдоволь на ночь, убираешь книгу под подушку и, засыпая, слышишь живые интонации персонажей.

И поэтому, хотя Интернет и стал неотъемлемой частью нашей жизни во всех ее проявлениях, в том числе и частью литературного процесса, теплое, живое слово на пожелтевшем от времени бумажном листке, он не победит. Недаром же растет число книжных ярмарок и фестивалей. Прошедший недавно 7-й Международный открытый книжный фестиваль, показал, что активные, думающие читатели не желают быть только потребителями виртуальной информации в Интернете, а хотят сами участвовать в литературных дискуссиях, круглых столах, встречах с авторами, хотят, чтобы услышали и их голос, их требования к современной литературе. На фестивале было организовано 150 мероприятий, посвященных литературному процессу в рамках книжного форума, где были представлены книги разных жанров, благодаря которым формируется собственный взгляд на современное культурное пространство, на отечественную литературу, которая учит сопереживать и сострадать, пробуждает добрые чувства.

Творчество — это процесс счастливый, но сложный и временами мучительный, о чем известно не только из собственного опыта, но и из признаний действительно гениальных писателей.

Публикации в Интернете сеют иллюзии, что творчество доступно всем. При таком подходе мы можем оказаться перед угрозой утраты подлинной культуры, прийти к интеллектуальной, духовной опустошенности.

В Интернете, да и в традиционной литературе, наблюдается пестрая мозаика литературных нравов и оптимистической риторикой не скрыть драматизма положения. За яркими обложками скрывается серость и убогость мысли, содержания, формы. Публикации зачастую зависят не от таланта, актуальности темы, интеллектуального культурного богатства, а от коммерческой составляющей. Ремесленничество, не оцененное талантом, всегда было врагом любого искусства.

Когда-то Владислав Ходасевич, ныне забытый поэт, считавший себя учеником А. С. Пушкина, написал: *«Всему живущему идти путем зерна»*.

Зерна от плевел отделить бывает трудно, но делать это необходимо, чтобы русская литература проросла злаками, а не сорняками, сохраняла свое прошлое величие и умножала новые заслуги, оставалась бы той литературой, к которой во всем мире продолжают относиться с любовью, интересом и уважением. И я позволю себе закончить свои размышления стихами, которые сложились в ходе этой дискуссии, тем более, что Валерий Брюсов называл «язык поэзии наиболее совершенной формой речи».

*В защиту языка родного,
Что был опорой нам века,
В защиту пламенного слова,
Что будоражило сердца,*

*В защиту ручки и бумаги,
И книжных трепетных страниц,
За книгу, что подобно браге,
Строкой восторженной пьянит,*

*В защиту пишущей машинки,
В защиту чистого листа,
Когда жемчужиной ложится
За строчкой новая строка,*

*Я голосую. С Интернетом
Пришел прогресс. Здесь спора нет.
Но в руки книгу взять поэта,
Когда в окне мелькнет рассвет,*

*Взять теплую, из-под подушки
И, ощутив ее тепло,
Понять, Шекспир, Мольер и Пушкин
Душе приносят торжество.*

*Подобно буйству океана,
Живою кажется строка,
Нам с книгой расставаться рано.
В ней мысли, чувства. В ней душа.*

*Спор ни к чему. Не надо крика.
Пусть процветает Интернет.
Стоять на полке будет Книга
И через много-много лет.*

*Зерно среди плевел отыщет
Читатель, чтоб суметь понять,
Что не бывает Книга лишней.
Как карандаш, перо, тетрадь.*

Людмила Авдеева, г. Москва

* * *

В отношении сетевой и печатной литературы скажу следующее. Как читатель, я «консерватор» — то есть предпочитаю книгу печатную. Как человек пишущий, могу лишь радоваться достижениям Интернета, дающего куда больший охват аудитории, чем ничтожные тиражи. Уровень сетевой словесности, по большей части, удручает. Но, объективно говоря, уровень печатной удручает несколько не меньше. А, пожалуй, и больше — потому как печать еще кто-то и финансирует. В море графомании тонут крупницы настоящих талантов. Можно ли винить в этом сеть? НЕ уверена. Потому что тем крупницам, большей частью, оказываются закрыты печатные издания, и без Интернета их участь была бы — писать в стол.

*Елена Семенова,
редактор журнала «Голос эпохи», г. Москва*

* * *

С огромным интересом прочла размышления неравнодушного к судьбе российской литературы (и литературы вообще!) автора Алексея Яшина. Для меня это чтение было не только увлекательным, но очень полезным и образовательным. С удовольствием освежила свои, увы, немногие знания в области образования древней письменности, с вниманием проследила тенденции ее развития вплоть до наших дней. Обогатилась — несомненно! Для меня, человека, не задумывающегося столь глубоко над влиянием компьютерных технологий и коммуникаций на нашу жизнь, быт, тонкости человеческого сообщения, литературного самовыражения, статья явилась открытием. Она заставила меня остановиться на многих любопытных моментах, соразмерить с авторскими свои собственные ощущения в процессе общения с компьютером. Прогресс неизбежно внедряет в работу литераторов современные инновации, и результат этого внедрения (согласна!) необходимо всесторонне изучать! Рада столкнуться со столь серьезными исследованиями языка, литературы и духовности человечества. Спасибо за затронутую здесь важнейшую тему!

P.S. Мне лестно участие в таком интересном проекте в Вашем Журнале. Жаль, что для серьезных дебатов я не имею столь широких познаний в нужной области, но все-таки хочу добавить, что давно замечаю разницу восприятия текста на бумаге и на экране... Например, с книгой могу «просидеть» до утра, но даже с самым любимым произведением в компе через час засыпаю.

А еще, лучшие стихи чаще записываются на карандаш, на клавишах же — стихосложение зачастую теряет свой вкус.

Тамара Соловьева, г. Псков

* * *

Прочитала, очень понравилось. Согласна с позицией автора. Умная вещь. После прочтения задумалась над реальностью. Но, как ни крути, колесо истории не остановить. Надо, конечно, стараться сохранить самое ценное — ОБЩЕНИЕ друг с другом ВЖИВУЮ, Доброту и Любовь. Тогда Мир обретет живые краски в мышлении и действиях.

Валентина Белевская, г. Тула

* * *

Тема, предложенная главным редактором «ПЗ» для дискуссии, интересна и своевременна: «бумажная» и «компьютерная» литература. Но сначала договоримся о терминах. Текст, набранный на компьютере, может быть представлен читателю на бумаге. «Бумажная» литература пишется гусиным или железным пером. Или на пишущей машинке. Но сразу на бумагу. Текст отсылается в издательство и там печатается в виде книги, брошюры — и там же осуществляется компьютерный набор и на компьютере — изготовление оригинал-макета. Грань в этом, технологическом плане между двумя литературами стирается.

Из контекста «Циркулярного письма», позвавшего к дискуссии, следует, что под «компьютерной» литературой разумеется та, которая создается на этом современном электронном «орудии» писательского труда и остается в электронном виде и посылается в мир в этом же самом виде.

Таким образом, если так понимать предложенный А. А. Яшиным термин «компьютерная» литература, тогда разница ощутима и заслуживает обсуждения.

Мне кажется, что дело не в способе написания текста: от руки или набор его на компьютере. Кому-то нравится водить скрипучим пером по бумаге. Несомненно, процесс медленный, мысль, наносимая на бумагу, созревает лучше. О вдумчивом, нередко трудном процессе создания текста свидетельствует изгрызенное перо и многочисленные правки на бумаге. Над черновиками склоняются исследователи и воссоздают, и анализируют творческий процесс. При компьютерном письме черновика нет, и не может быть. Еще одна ощутимая разница. Как теперь будут литературоведы и текстологи постигать и анализировать творческий процесс компьютерного автора, никому пока неизвестно. Но, уважаемые современные читатели, надобно знать, что рукопись от руки автор относит (относил) к издателю, там переписчики переписывали текст набело, а потом он шел в типографию, где наборщики набирали текст свинцовыми буквами, страдая через десятки лет тяжелого труда от отравления свинцом. При компьютерных технологиях этой беды не будет.

Может ли назваться гедонизмом труд современного автора, пользующегося компьютером при создании текста? Если да, тогда все, что происходило и происходит в сфере создания материальных и духовных продуктов — от способа добывания хлеба насущного, строительства удобного человеческого жилья, новых видов передвижения в пространстве, создания зрительных образов, передачи мысли на расстоянии и т.д. и т.п., надобно будет назвать неизбывным стремлением человечества к гедонизму. Можно по-разному к этому неуклонному стремлению человечества относиться, но оно никогда не откажется от удобств существования, повышения производительности труда, от облегчения и ускорения творческого процесса в любой сфере.

Согласится ли современный автор выбивать на камне свои письмена, брать в руки стило и водить им по непросохшей глиняной табличке, кисточкой писать по рисовой бумаге, изобретенной трудолюбом-китайцем? Вряд ли. Есть более удобные и скоростные способы это сделать.

Пользование автором авторучкой, пишущей машинкой, наконец, компьютером вряд ли можно отнести к порицаемому уважаемым Алексеем Афанасьевичем гедонизму. Создание текста труд, порой тяжелый и мучительный, и любые способы его написания не делают его легче. Речь, конечно, о подлинно творческих текстах. Правда, были и есть авторы, у которых этот процесс легок и стремителен. Но даже у гигантов литературы, у Л. Толстого, например, он был трудным и кропотливым.

Можно говорить о гедонизме самих авторов. Это было. И, кажется, есть сейчас. Например, А. Дюма-отец, Ги де Мопассан, Оскар Уайльд. У американцев — Скот Фицджеральд, Эрнест Хемингуэй. У немцев — Э.-М. Ремарк. У нас — Н. Некрасов, может быть, И. Северянин. Русские авторы менее склонны быть гедонистами, ибо всегда полагали свое творчество и жизнь, как служение возвышенной идее, сопереживание униженным и оскорбленным. Гедонизм по жизни, да. Но о гедонизме за письменным столом вряд ли можно говорить.

Чем отличается процесс создания текста за компьютером от такого же процесса старыми, «дедовскими» способами? Не скоростью только. Это маловажное отличие. Отличается искушением собственного впечатления о тексте, высветившимся на экране, как уже готовом, завершенном. Выглядит красиво, как уже напечатанный в книге. Все исправления тут же можно сделать, все помарки и ошибки стереть, сидя за клавиатурой. Текст, как конфетка, залюбуешься. Потирая руки, так и хочет автор воскликнуть: «Ай, да Пушкин (в смысле имярек), ай, да сукин сын!» Против этого искушения устоять трудно. Не устоишь, текст получается легковесным, слабым, как недоношенный ребенок. Опытный текстолог без труда догадается, каким способом письма пользовался автор.

Мне трудно судить, рассылают ли «компьютерные» авторы свой текст «веером», сразу по нескольким адресам. Привержен «ПЗ». Строго соблюдаю требование редакции присылать CD и распечатанный бумажный вариант материала для публикации. Всегда хочется видеть свой текст напечатанным на бумаге. Пишу на компьютере, не вижу в этом греха. Но из-за слабости зрения распечатываю первоначальный вариант, правлю по бумаге, и снова возвращаюсь к компьютеру. Иногда не один раз. Что получается, судить не мне.

Самая большая и не в пользу компьютера разница между текстами — бумажным и компьютерным — это зрительное впечатление. Иногда в метро заглядываю через плечо пассажира, читающего электронную книгу. Не знаю, что читает, что написано. Речь о другом: никакого эстетического удовольствия — сероватый фон и черные мелкие, густо поставленные буквы — официальный документ, да и только. От него веет скукой и однообразием. Книга — это произведение искусства. Завлекает эстетика оформления, расположение текста на странице, разнообразие шрифта. Даже с научным текстом книгу приятно держать в руках.

Никогда не читал тексты с компьютера, с электронной книги. Судить трудно, сколько в них «дискретного (цифрового) мышления» и «гедонизма авторов», сколько в них фантазерства и отражения виртуальной, а не реальной, настоящей жизни. Каждый пишет, как дышит. Чем «дышат» компьютерные авторы, не знаю.

Упрек, брошенный современным авторам в «обесцвечивании образности» (понимай, описательности) и в «обилии диалогов» (голливудские сценарии) в их текстах заслуживает подробного рассмотрения, и может стать предметом следующего раунда дискуссии на страницах «ПЗ». Слишком сложная и неоднозначная тема, чтобы без глубокого продумывания присовокуплять ее к предмету обсуждаемого «Циркулярного письма».

Практику подбрасывания авторам и читателям тем для дискуссии, начатую по инициативе главного редактора журнала, считаю интересной и полезной, заслуживающей продолжения.

P.S. Интересно, уважаемый Алексей Афанасьевич текст «Циркулярного письма» набирал на компьютере или сначала писал пером на бумаге?

***Рудольф Артамонов,
лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова, г. Москва***

От главного редактора: *Уважаемый Рудольф Георгиевич! Сразу отвечаю на Ваш постскриптум. Мы с Вами — научные коллеги в области биомедицины: встречались и беседовали в Туле. Я также под Вашим кураторством уже не один год публикую в «Медицинской газете» продолжающийся цикл очерков о воздействии слабых электромагнитных излучений на организм человека.*

Являясь руководителем Тульской научной школы «Биофизика полей и излучений и биоинформатика», слишком много знаю о негативных последствиях «общения» человека с компьютером, сотовыми телефонами и прочими «гэджиками».

Все, что я пишу, — а это очень большой объем: от журнальных статей до художественных и научных книг, — только «от руки».

Что же касается компьютерного набора моих рукописей, то на своей кафедре в университете и в редакции «Приокских зорь» в штате имеются технические работники для этого дела, сами выбравшие эту профессию.

...Словом, обычное разделение труда: см. первый том «Капитала» Карла Маркса о разделении труда при переходе к мануфактурному производству.

ЧТО ЖЕ ВЫБРАТЬ: КНИГУ ИЛИ КОМПЬЮТЕР? ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ЦЕЛИ, КОТОРУЮ СТАВИТ ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД СОБОЙ.

Моя внучка любит слушать перед сном сказки. И устроивши голову на подушке, натянув теплое одеяло, с требовательной надеждой просит: «Дедушка, почитай». А если ребенок просит почитать, тут уж надо отложить все свои дела, таковы правила жизни в нашей семье. Слушает она внимательно, не перебивая. Лишь порой, если вдруг незнакомое слово, просит пояснить, что оно обозначает. Сейчас она уже достаточно взрослая, седьмой год, читает бойко сама, но слушать, когда я читаю, любит по-прежнему.

Читаем мы с ней толстую книгу — это сказки братьев Grimm. Но когда были поменьше и дети, и внуки — читали книги Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Сергея Михалкова, других детских поэтов и писателей. «Незнайку» Николая Носова читали «до дыр». Книги эти, как всегда, красочно оформлены, в основном, с иллюстрациями, и читали их не только на «сон грядущий».

А сейчас, когда приходят старшие внуки, а им уже 11 и 13 лет, то первое, что они говорят, еще от порога: «А можно нам компьютер включить?». И хотя компьютер я использую, в основном, для своих литературных упражнений, разрешаю им устанавливать на нем игры. Без компьютера нынешние детки не представляют для себя существования.

И как тут однозначно ответить — книга или компьютер?

К постели внучки я не принесу компьютер, хотя этого сейчас и не требуется, многие чудеса техники умещаются в ладони. А как же шуршащая страница или иллюстрации? На которых можно делать своей детской рукой поправки во внешности героев книги. Например, нарисовать очки Иванушке дурачку, или пририсовать рожки Мальчишу-плохишу? Это, конечно, шутка.

Но книга или компьютер? И не мыслю я себя, человек довольно взрослый, немного с отсталым мышлением, сформированным бытом и учителями прошлого века, без компьютера. Но читать предпочитаю книгу, держа ее в руках, когда через осязание чувствуется биение жизни в ней. А может, это только мое — устаревшее, основанное на классическом, ушедшем обучении — мнение?

Ведь в далеких 50-х и 60-х годах прошлого столетия и помыслить себе было невозможно — чтение книги на экране телевизора. Книжки кочевали из рук в руки, были потрепаны, а это — основной признак их популярности и читаемости. Часами я мог ходить между стеллажей библиотеки, хотелось читать и эту книгу, и вот эту... Выбрать было трудно, а теперь совсем не надо никуда ходить... Все, как говорится, под боком.

Наступает эра разобщенности, равнодушия, неосознанного эгоизма. Жизнь в Интернете, где нет места грамотности, уважения (ведь можно говорить, что хочешь своему собеседнику, не глядя ему в глаза). А можно и вообще не обращать внимания на его слова, отмахнуться и нахамить.

Компьютер или книга? Не мудрствуя лукаво, набираю слова в поисковике, одним щелчком выхожу в какой-то сетевой журнал, где сейчас обсуждается этот вопрос. Читаю ответы респондентов за множеством псевдонимов. Так это принято в сети, люди стесняются, что ли высказывать открыто свои мнения? Из 76 ответов, 72 человека отдали свое предпочтение книге. Вот!

Для меня книга — живой организм. Я ощущаю в руках присутствие живого существа, которое доверяет мне свои тайны, и я порой прижимаю книгу к себе. Конечно, это чисто субъективное восприятие, воспитанное в годы советского реализма, когда книга была духовным наставником и другом, учителем и просветителем. Когда одиночество не могло быть одиночеством. Она научила нас не чувствовать одиночества, а главное, не бояться его; человек думающий никогда не может быть одинок.

Чтение — это важнейшее составляющее развития духовности, интеллекта, культуры отдельного человека, а значит и нации. Была наша страна когда-то самой читающей... Теперь плееры в транспорте заменили книгу, общение. Чтение — это не только интересно, а прежде всего, это труд: интересный, доставляющий удовольствие, радость, но труд! Труд, вложенный в самого себя.

Нет у меня однозначного ответа. Главное — читать! Нынешняя молодежь выбирает современную и гибкую информационную систему. Как выбирать? А это уже зависит от учителей, воспитателей, наставников в семье, в школе.

Ведь и книга, и компьютер — имеют свои преимущества и неповторимы по своему. Книгу читаешь и осмысливаешь наедине с собой, а используя компьютер, можешь тут же вступить в дискуссию о прочитанном.

Сам я столкнулся с огромным информационным потоком в сети, когда взялся за работу над повестью о своем отце. Разве мог я в библиотеке отыскать журнальные и газетные статьи довоенного и военного времени? Более пятисот различных документов прочитал и использовал для информирования себя.

Книга должна остаться другом, а компьютер — очень нужная современная техника.

Сергей Лебедев, г. Тольятти

В заключение от редакции. *Полагаем, что представленные материалы позволяют сказать, что дискуссия состоялась на достаточно широком представительском уровне. Материалов могло бы быть и больше, но «тик» дискуссии пришелся на жаркое лето со всеми его последствиями.*

Как всегда и уже традиционно промолчали — за единичным исключением — Тула (истинно: сапожник без сапог), где издается журнал, и Сибирь («Во глубине сибирских руд храните...» — например, молчание), имеющая в «Приокских зорях» свою постоянную рубрику.

Обращаемся к главе тульских писателей, первому зам. главного редактора «ПЗ» Виктору Федоровичу Пахомову и к зам. главного редактора «ПЗ» по сибирским регионам Тамаре Анатольевне Булевич с настоятельной просьбой «расшевелить» своих подопечных литераторов к началу следующей дискуссии. А всем принявшим участие в настоящей дискуссии — большое спасибо!

ДУША, ЛЮБОВЬ И БОЛЬ

(О стихах Сергея Лебедева)

Недавно в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» вышел в свет сборник одного из постоянных авторов нашего журнала из города Тольятти Сергея Лебедева «Течет Ветлуга* в памяти». Читателям, знакомым с поэзией автора, хорошо известны истоки его творчества. Они в малой родине его родителей — лесной деревне Югары Варнавинского района Нижегородской области, в просторах СССР, по которым поколесила семья отца-офицера, в трудовых профессиях слесаря и аппаратчика, с которых началась трудовая деятельность автора, в его инженерном труде вплоть до главного специалиста крупного предприятия. И еще в истории России, в древних легендах своего края, во всем, чем жила, жива и будет жить наша страна.

Стихи Сергей Лебедев начал писать в юношеском возрасте. В настоящее время он является участником коллективных сборников, публикуется в литературно-художественных и публицистических журналах «Невский альманах», «Великороссь» и ордена Г. Р. Державина «Приокские зори», выпустил четыре авторских сборника стихотворений и две повести. Автор получил признание, он — лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвященного 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова.

Сергей Лебедев говорит, что он не поэт, а лишь любитель поэзии. Скромности ему не занимать, но творчество его говорит об обратном.

Весь сборник «Течет Ветлуга в памяти», начиная от названия и кончая рассказом, завершающим книгу, пронизан любовью к малой родине.

*...Бродилось ли по свету мне,
Сиделось ли в тиши,
Но лишь места заветные
Мне трепетом души...*

(«Костры осин по рамени...», с. 9)

*От полей, от сохи, от невода
В горький воздух меня увели,
Но поверь, где бы не был я,
Не забуду ветлужской земли...*

(«От полей, от сохи, от невода...», с. 10)

Это не случайно, ибо чувство любви, верность и преданность переданы автору его родителями. И ответом живет в душе поэта неугасимая любовь не только к земле,

---

* Ветлуга — это река в центре Европейской части России, левый приток Волги.

но и к давшим ему жизнь на ней — к отцу и матери, к их делам и трудам. А через них и к стране, к ее истории, которая, как и страна, одна — та, что есть, и другой не дано.

*...Мне отец оставил в наследство
Сапоги, плащ-палатку, кинжал,
Горсть медалей простых, советских,
Чтоб я память о нем не предал.*
(Отцовские медали, с. 45)

Связь времен, дел и душ проявляется и в отношении к бездуховности и безответственности, царящим окрест. По-другому относиться к данным явлениям могут лишь воспитанные в соответствующем духе, либо добровольно эту связь разорвавшие.

*...Моя добрая, милая мама,
Твоих глаз до сих пор вижу грусть.
.....
С полок книжных и с телеэкрана
Безморалья, как прежде, стыжусь.*
(«Моя добрая, милая мама...», с. 54)

Как настоящий патриот Сергей Лебедев значительную часть своего творчества посвящает теме Великой Отечественной войны.

*...Как бы годы не жгли, над Землей не летели,
Нам судьба всех погибших набатом весной...*
(Неизвестный солдат, с. 117)

Очень хорошо эта тема раскрыта в поэме «Сны Анны». Стихотворные строки образно рисуют нам нелегкий женский труд на селе, в поле, без мужей и сыновей, ушедших на фронт, труд порой без техники и лошадей; и будни работы-войны, когда в ее первые годы с винтовками шли на пулеметы, «взяв помощником русский мат», когда о себе думалось в самую последнюю очередь; и страдающее от гибели однополчан и от грязи предательства сердце солдата; и разрывающиеся глубоко в тылу вражьи снаряды-похоронки...

Только прошедшие все тяготы войны и радость заслуженной Победы и их по духу наследники знают — Родину нужно защищать и на дальних подступах. Так понимаемый воинский долг может вызвать истинное сострадание и к судьбам воинов-афганцев:

*...Нас проводил вчера комбат,
Сейчас забыты мы страной...*
(Не вспомнят, с. 128)

Невозможно для любящего сердца равнодушие к судьбе многих современных деревень, тем более к родным, где неоднократно бывал и знал людей, чьи имена «как песню пою и как сказку читаю...»

*С глазницами пустыми вместо рамы,
Покинутые избы вдоль дорог.
Давно, как мертвые, не имут сраму,*

*И никого не ждут на свой порог...
...Покинутые избы у дороги,
И наклонило кладбище кресты.
А на иконах лики строги...
Прости нас, Родина, прости.
Уходит Русь в нескошенны травы,
И не прощает нам она,
Поклоны перед импортной травой,
Забывшие родные имена.*
(В родных местах, с. 14)

В том нет души, кто не жалеет об ушедшем: о великой стране, о ее социальных завоеваниях, о ее высокоподнятом знамени морали и нравственности. И в том нет разума, кто не понимает необходимости исторической преемственности, в том числе в преодолении смутных времен.

*...Даль горизонта блеснула огненно,
Словно россыпь зажженных углей.
Боже, неужто сгорела Родина,
Средь широких и снежных полей?*
(«Господи, мы и так напуганы...», с. 147)

*...Век двадцатый кончился бессильем,
Нет на карте древнего села.
Только бы история России
Мохом и травой не заросла.*
(Ченебечиха, с. 75)

Сергей Лебедев понимает, что древние легенды и предания — это те корни, из которых и растет древо народное, тот фундамент, на котором стоит состоящий из малых родин дом нашей большой Родины. Отсюда и любовь к легендам своего Ветлужского края, послужившим основой для венка поэм «Легенды Поветлужья». В написании их использованы работы ряда местных краеведов и историков, воспоминания жителей, рассказы и статьи, опубликованные в местной периодической печати, материалы из книг местных писателей. Вслушайтесь в названия этих легенд: «Ветлуга», «Мирошкина гора»*, «Лялины горы»**, «О Ляле-разбойнике, княгине, Бархотке и Шалухе», «Чертовка», «Ченебечиха»***, «Песнь печали об Ирге», «Степанида ветлужская (Бабыя Гора)»****.

*...Долго хранятся легенды о прошлом,
Их не засыплет забвенья песок...*
(Песнь печали об Ирге, с. 79)

Читающий строки этих поэм-легенд обретает уверенность в возрождении всего лучшего, что было, в развитии всего хорошего, что есть в наше время.

---

* Мирошкина гора — это самая высокая часть левого коренного берега Ветлуги под Варнавиным Нижегородской области, на местности, носящей название «Макарьевский бор».

** Лялины горы — возвышенный коренной берег Ветлуги на территории Варнаевского района.

*** Ченебечиху еще 25 лет тому назад покинул последний житель. Деревня опустела, дома начали разваливаться, зарастать травой и мхом.

**** Бабыя гора — название шихана (холма) с крутыми обрывами, который находится при впадении реки Усты в реку Ветлугу.

В замечательно описывающем сельский быт тридцатых годов рассказе «Рыбаки Ветлуги» автор пишет: «Сын всю жизнь восхищался отчаянным поступком отца, который, не раздумывая, бросился в ледяную воду реки ради общего дела». Вот наличие таких людей в нашем роду, в нашей истории и наша память о них тоже прибавляют нам веры в то, что:

*...Придет еще и на Ветлугу счастье,
Дорогу верную Россия обретет...*
(Письмо родителям, с. 25)

Сергей Лебедев — тонкий пейзажный лирик. Об этой грани его творчества можно много говорить, но лучше всего это видно из его поэтических строк:

*...Как люблю тебя я, русская гармошка,
Как люблю тебя я, русская земля!*
(На пристани, с. 19)

*...Сквозь туман седые ивы
Смотрят в зеркало воды,
Шепчут каплями игриво,
В зелень капают лады...*
(Утро на Оке, с. 15)

*Пожелтевшие смотрят березы
С удивленьем в озерную стынь.*
(«Пожелтевшие смотрят березы...», с. 35)

А стихотворения «Сырая капризная осень...» и «Осенний мотив» (сс. 114—115) и восьмистишья (сс. 107—110) можно назвать лучшими в лирике автора.

Безусловно, книга «Течет Ветлуга в памяти» понравится читателям и станет одной из лучших в серии «Приложение к журналу «Приокские зори». Как пишет в своем предисловии к книге главный редактор журнала А. А. Яшин: «...Его любовь, его душа, его боль буквально светятся сквозь каждую строку этой книжки».

Завершить же хочется словами самого поэта, автора книги:

*...Пусть же мой путь оборвется внезапно.
Что ж, синевы над собой не боюсь.
Даже, пускай не вернусь к вам обратно,
Хватит того, что увидел я Русь.*
(«Если мой путь оборвется внезапно...», с. 171)

Ярослав Брагин, г. Тула

КНИГА О ВЕЛИКОМ ИДЕАЛИСТЕ

(О книге Алексея Яшина «Катехизис идеалиста»)

Книга читается, что называется, на одном дыхании. Очень удачно, на мой взгляд, выбран жанр произведения — «роман-размышление». С первых страниц попадаешь в некий поток сознания «главного и единственного героя книги» — И. В. Сталина. Мое поколение воспитывалось в убеждении, что все достижения в период его правления — и коллективизация, и индустриализация, и победа в Великой Отечественной войне, и послевоенное восстановление,— связаны с героическими усилиями советского народа под руководством партии, а все отрицательное — раскулачивание, репрессии, просчеты и жертвы — с личностью тирана-вождя. В романе шаг за шагом развенчивается этот кому-то очень нужный идеологический миф. Перед нами предстает чрезвычайно мудрый, энциклопедически образованный руководитель государства, наделенный еще с юношеского увлечения стихосложением, чертами идеалиста-романтика. Образ совершенно непривычный для укоренившегося в обыденном сознании представления о большевиках как сугубых материалистах. Но, в то же время, показательно, что большевистские идеи революционного преобразования мира на основе отказа от биологического инстинкта накопительства, частной собственности привлекли на свою сторону многих известных поэтов Серебряного века.

Романтик Блок в поэме «Двенадцать», наверное, одним из первых подметил эту связь российской социалистической революции с воплощением идей Христа.

*...Так идут державным шагом,
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.*

Романтический характер той эпохи отразился в произведениях Есенина, Маяковского, Горького, Платонова и многих менее известных мастеров слова. Вот как писал, к примеру, Павел Коган, погибший в 1943 году в бою под Новороссийском:

*Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода...*

Да что там поэты! В романе «Катехизис идеалиста» приводится факт, что «в Гражданскую войну в Красной Армии сражались до ста тысяч бывших царских офицеров, включая полковников и генералов, что было больше числа офицеров в армиях Деникина, Колчака, Врангеля и всех остальных белогвардейцев. Даже не простых, а с громким военным именем на слуху. Инспектором конницы Красной Армии почти до

самой Отечественной служил знаменитый Брусилов...» Такова притягательная сила идеи социальной справедливости — как равенства стартовых возможностей.

А вот сложнейшую работу по ее воплощению в масштабах огромной страны да еще во враждебном капиталистическом окружении пришлось выполнять И. В. Сталину. Только тайный идеалист и романтик мог справиться с такой задачей.

Роман «Катехизис идеалиста» воспринимается не только как художественное произведение, но, в какой-то мере, и как научный трактат и историческая энциклопедия. При этом даже там, где известные и малоизвестные факты из биографии или размышления вождя уступают место гипотезе, художественному вымыслу, не возникает сомнения, что так оно, скорее всего, и было. Роман буквально завораживает. Временами ловишь себя на мысли, что всецело находишься во власти ощущения, будто читаешь дневник Сталина, или вместе с ним вспоминаешь юность в родной Грузии, рассуждаешь о целях цивилизации, законах диалектики, национальном вопросе, русском народе, соратниках по партии, Великой войне и противостоянии с Западом. И на основе буквального погружения в воссозданный мастерским пером внутренний мир вождя начинаешь понимать, какое это непростое дело — управлять половиной мира.

Наверное, самое сложное было открыть современному читателю те идеи Сталина, которые тот не успел или не захотел опубликовать. В частности, тезис о том, что «настало время отлучить партию, во избежание греха, от администрирования, а всю полноту власти отдать Советам». Но эту идею, как показали дальнейшие события, осуществить так и не удалось, вернее — не дали. Хотя на одном из послесталинских съездов партии было заявлено, что победа социализма в СССР полная и окончательная (вопреки странному предупреждению патриарха об усилении классовой борьбы), спустя всего несколько десятилетий мы стали свидетелями и смены строя, и упразднения Советской власти.

У любого мыслящего человека (а именно на такого рассчитана книга) возникает вопрос: «Так что же, получается, что все героические усилия нескольких поколений и все жертвы были напрасны?»

«Без великих идеалистов даже сверхнаселенный людьми мир уподобится марсианской пустыне. Прежде всего — пустыне души». Таков оптимистический вывод романа.

Валерий Богушев, г. Воронеж

